

Поклонимся и мертвым, и живым!

Не знаю, как для других, а для меня этот праздник особенно дорог, хотя сама, слава Богу, знакома с ужасами Великой Отечественной войны только по фильмам, которые каждую неделю крутили в клубе для солдат в нашем военном городке, где прошло мое детство. Мои родители были военными и в случае войны первыми бы встали на защиту родины. Каждый раз, когда ночью в угоняющей тишине войсковой части врзался тревожащий вой сирены и наш зеленый острокв вкрасной зелени погружался в кро-

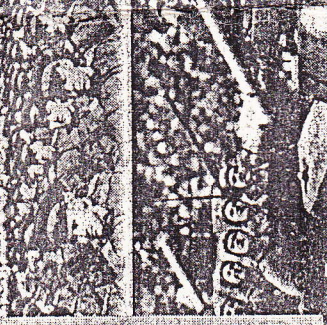
БЛАГОДАРЯ моему увлечению видеосъемкой, в нашем семейном архиве сохранилась масса интересных видеоматериалов. Среди них особое место занимает запись с рассказами ветеранов войны, сделанная парой лет назад накануне 9 Мая. Перебирая свой видеотеку, я вновь вернулась к своим героям и событиям тех далеких дней. В их рассказах - будничная правда, непридуманная, незаширокованная, не столь красивая и героическая, как в фильмах. Это их жизнь, жизнь **солдат великой войны**

Алексей Ильич Грачев прошел войну от Великих Лук до Балтийского моря. Легких боев не было никогда, вспоминает Алексей Ильич. - Я был минометчиком 82-миллиметрового миномета. Мы шли за пехотой на расстоянии 500 метров. Пока так воевали, все было нормально. А как только в пехоту бросали - сразу ощущали потерю. В пехоте я получил ранение и контузию. Как только сунем в атаку, контратаку - кого-то обязательно недосчитывались. Моего старшего брата, служившего в пехоте, за войну шесть раз

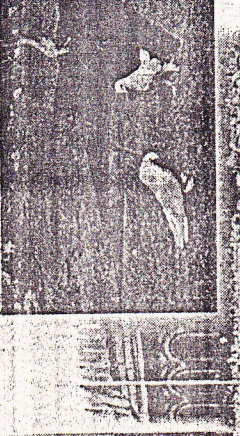
мешный мрак, мне в голову приходили стихи, услышанные лет в семь от рядового Алексея Задиракина:

**Короткое слово
"Тревога!"
Как пуля, пронзает
сердца.
Тревога! И снова
дорога,
Которой не видно
конца.
И тонут усталые ноги
В барханах сыпучих
песков.
Солдаты идут по
тревоге,
Чтоб не было в мире
тревоги!**

ранило, а 25 февраля 1945 года, уже перед самой победой, он погиб! Алексею Ильичу повезло больше. В конце войны у него открылась рана.

А.И.Грачев, надо было атаковать эту возвышенность. Лейтенант подполз туда, а у

шел в атаку, вспоминает он, - его ранило. Пуля попала в живот и прошла навывлет. Мы стали выносить его с поля

обстатья людьми? Какая же сила подерживала их в годы всеобщего безумия и жестокости?

Мы заняли один огневой рубеж. Ну, кто опасался, а кто еще нет. Тут на лошадиках подвезли мины. Надо было их перетаскать, так как на лошадах дальше не завезешь. Я с товарищами бросился их таскать. А те, кто получил или похитрей, стали в это время окальваться. И вдруг в небе появились немецкие самолеты, а я траншеи себе не притоготовил. Все

я наверху. Ну, и взял люле-ту, начал копать, а ротный кричит: "Иди Мины таскай!"

на третьем украинском и на Карельском фронтах командиром пулеметного расчёта. За участие в боях получил орден Славы и медаль "За отвагу". Самые жестокие бражения на его памяти были на Карельском перешейке, когда советские войска вышли на старую русско-финскую границу. У финнов там была очень сильная оборона. Когда-то она называлась линией Маннергейма и состояла из бетонных укреплений. "Вот там они нас потрепали. Много наших тогда полегло. Одного финна тогда не сравнить с двумя-тремя немцами как минимум! Они очень сильные войки; прекрасные лыжники, снайперы, хорошо на местности ориентируются, каждый умеет от лично метать ножи точно в цель. Убивали людей без звука. Целые батальоны вырезали у нас. Нарезут нашу форму, залезут в окоп с одного конца, и пошли резать. Жестокие и хладнокровные были. За это их и презвали "лесными войками". Единственной проблемой финнов было то, что их мало, и техника была слабовата, а если бы их было столько же, сколько и немцев, - они бы много надеялись. Ничего не захотел больше вспоминать ветеран. Тяжело воробить прошлое. Вспомнить - значит снова пережить контузию и ранение, смерть близких людей, тяжелые бои...

Все дальше и дальше уходят в прошлое дни военного лихолетья. Все меньше остаётся живых участников и очевидцев тех дней. Все реже говорим мы с героическим пафосом о минувшей войне. На какой-то рои были не только герои, но и простые солдаты, выполнявшие черную военную работу. Но они выжили, выстояли... И хотят, чтобы мы помнили об этом.

Елена БОИМОВА.

КАК ОТБЛЕДЕСК ВЫСОКОГО ОГНЯ

Я отвечаю "Мне надо окопаться..." А он: "За невыполнение приказа я тебя расстреляю и достал уже пистолет. А Чернов это увидел пердериул автомат и кричит: "Сука, положи пистолет, а то переску пополам!" Тот в лице переменяется, но пистолет убрал. Если бы не он, я не посмел бы нарушить приказ и, наверное, погиб бы от бомбежки.

"Долгая память - хуже, чем сифилис", поет Гребенщиков. Да, она надравает нам сердце. Не дает спокойно жить, терзая и мучая. Но потому-то мы и люди, что священной храним пусть страшную, но нашу историю. Правду о нас.

Петр Ефимович Храмов воевал с 1943 по 1945 годы

НА БЕЗЫМНОЙ ВЫСОТЕ

Война есть война. Она, наверное, самая большая нелепость, случившаяся с человеком. Всякое было. Например, немцы переодевались в советскую форму. Наши - в немецкую, чтобы сбить противника с толку. Иногда получались недоразумения, оборачивавшиеся гибелью товарищей. - Однажды переоделись мы и пошли в разведку к опной сопке. - вспоминает

полученная под Гилой, его госпитализировали, и в военных действиях он уже участия не принимал.

немец автомат и пулемет лежали на бруствере траншеи, направленные в нашу сторону, чтоб, в случае чего, стрелять (немец был одет в советскую форму. Фашисты чувствовали, что мы наступаем и им придется отступать). Лейтенант и спрашивает его: "КПП 1-го батальона где?" А тот услышал русскую речь, нажал на курок и смертельно ранил лейтенанта. Я с Черновым, бывшим штрафником, потом приталил его обратно...

В войну Алексей Ильич был наводчиком основного миномета. Батарея строила "веер" и вела батарейный огонь по всем его пристрелкам. Был, что называется, на высоте. И, как ценный кадр, его уважали и берегли.

Однажды мой ротный по-